

История о сёстрах, которые пытались
преодолеть законы Вселенной

КРИСТОФЕР ЭДЖ

МНОЖЕСТВО
ЖИЗНЕЙ
МЕЙЗИ ДЭЙ

История о сёстрах, которые пытались
преодолеть законы Вселенной

КРИСТОФЕР ЭДЖ

МНОЖЕСТВО
ЖИЗНЕЙ
МЕЙЗИ ДЭЙ

История о сёстрах, которые пытались преодолеть законы Вселенной

КРИСТОФЕР ЭДЖ

МНОЖЕСТВО
ЖИЗНЕЙ
МЕЙЗИ ДЭЙ

Дети Вселенной. Исключительные книги

Кристофер Эдж

Множество жизней Мейзи Дэй

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-93
ББК ББК 84(4Вел)-44

Эдж К.

Множество жизней Мейзи Дэй / К. Эдж — «Эксмо»,
2018 — (Дети Вселенной. Исключительные книги)

ISBN 978-5-04-166043-7

В день рождения Мейзи мир исчез. Вся Вселенная превратилась в чёрную бездну. Мейзи осталась одна в опустевшем доме. Здесь больше нет ни её родителей, ни старшей сестры Лили. Как такое возможно? И хотя Мейзи знает все законы физики, она не может этого объяснить. Почему мир сошёл с ума? Почему реальность всё время меняется? А главное – как отыскать свою семью? Мейзи нужно поскорее найти ответы, ведь страшная бездна уже проникает в дом... История о головокружительных загадках и любви, которая способна преодолеть даже законы Вселенной.

УДК 821.111-93
ББК ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-166043-7

© Эдж К., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

0	7
1	8
2	11
3	16
4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Кристофер Эдж

Множество жизней Мейзи Дэй

© Васильева А.Б., перевод на русский язык, 2022

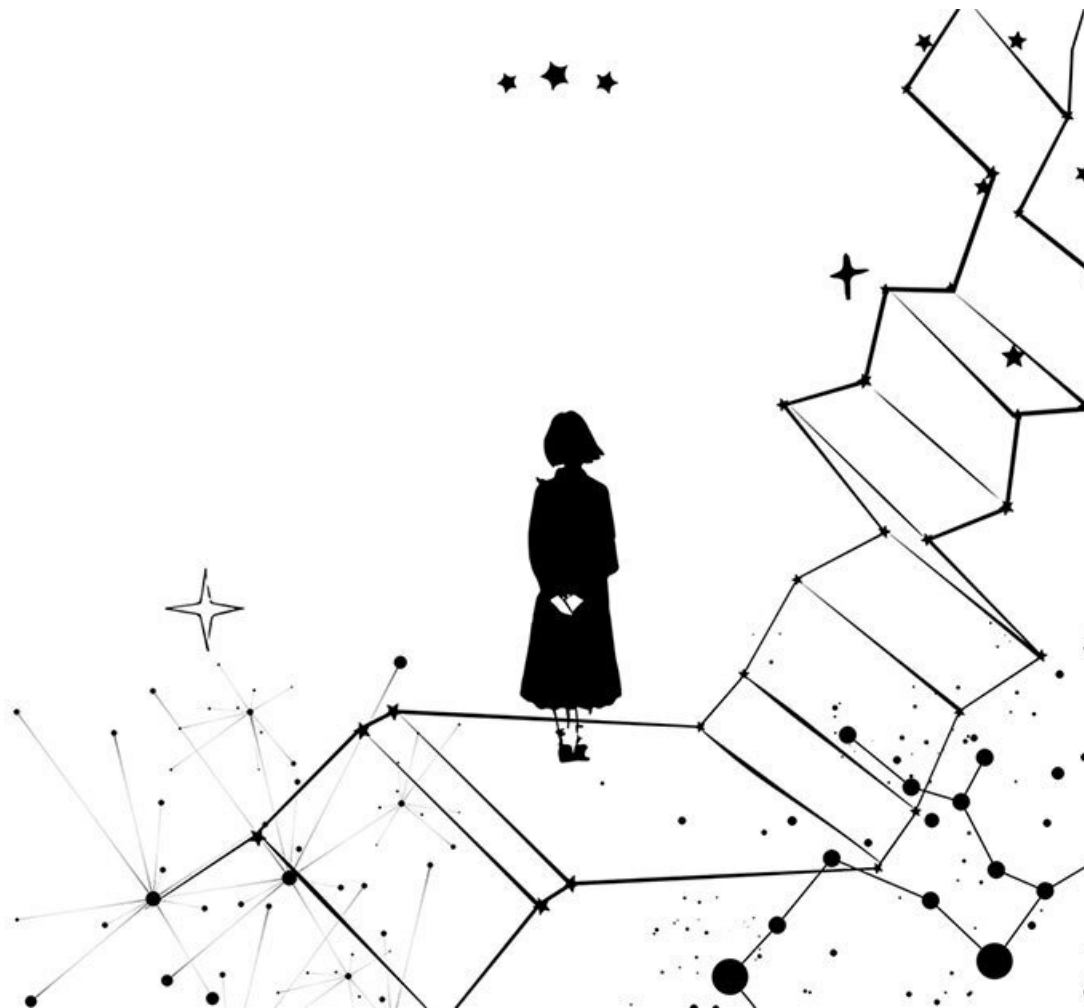
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

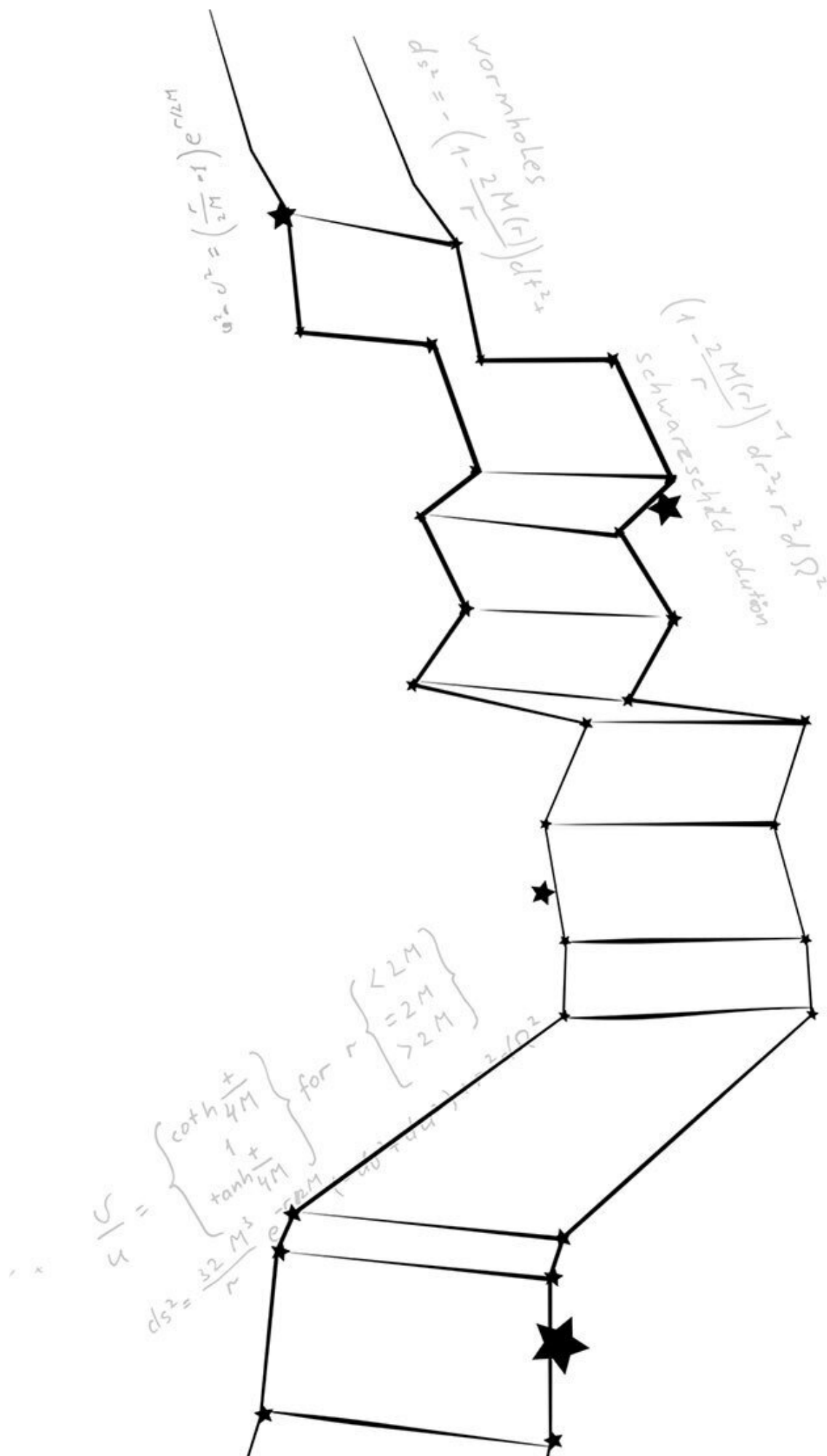
* * *

Посвящается Крисси, Алексу и Джози. Навсегда

*Прожить в мгновение час,
Держа в ладони вечность,
Увидеть небо в васильке,
В песчинке – бесконечность.*

Уильям Блэйк

0

Некоторые считают, что всё началось с Большого взрыва. Но лично для меня это последнее, что я помню.

Взрыв – такой громкий, что я сразу забываю про всё остальное.

Всё, кроме красного шарика, взлетающего в ясное голубое небо.

А потом – темнота.

1

Настойчивый трезвон будильника выдёргивает меня из очень странного сна. Кажется, там были разговоры с дельфинами и конец света. Что-то в этом роде.

Даже странно, до чего реальными кажутся сны перед самым пробуждением. Ты целиком и полностью веришь, что это правда, что это на самом деле происходит с тобой – даже если ты в это время разговариваешь с дельфином. Но потом ты открываешь глаза – и сон тут же начинает развеиваться, забываться... и всё, что тебе остаётся, – несуразная путаница мыслей, в которых как будто и вовсе нет никакого смысла.

Шаря рукой в поисках кнопки будильника, я стряхиваю с себя последние обрывки сна и смаргиваю – одновременно с миганием цифр на дисплее часов.

9.00

На секунду меня охватывает паника – почему никто до сих пор меня не разбудил? Но потом я вижу на дисплее дату.

Суббота 9 июня

Мой день рождения.

Я спрыгиваю со своей высокой кровати с лесенкой, раздёргиваю шторы, и в комнату врывается солнечный свет. За окном я вижу сборную беседку, которую мама с папой купили специально для празднования моего дня рождения – она лежит на траве, прикрытая прозрачной плёнкой, и ждёт, когда папа её поставит. За дальней изгородью виднеются железнодорожные рельсы, а ещё дальше – задние стены магазинчиков, которые тянутся вдоль улицы, ведущей к Чизвик-Хилл. И всё это залито ярким утренним солнцем.

Не удержавшись, я широко ухмыляюсь. Сегодня самый лучший день на свете. Мне исполняется десять.

Древнегреческий философ Пифагор полагал, что десять – самое важное число в мире. Он вроде даже изобрёл на его основе всю математику и вообще считал, что вся Вселенная состоит из чисел. И ещё он говорил, что число десять – ключ к пониманию всего. И если это правда, то, должно быть, десять лет – это очень здорово.

Может, теперь мама с папой разрешат мне самой ходить по магазинам. И даже попозже ложиться спать, как Лили.

Лили – это моя старшая сестра. Ей пятнадцать, и она меня ненавидит.

Правда, родители говорят, что вовсе нет – просто у неё сейчас непростое время, потому что она готовится к экзаменам на аттестат зрелости. Стресс и всё такое. Но лично мне кажется, что это так себе оправдание. Я-то сдала аттестационный экзамен по математике в шесть лет, а по физике, химии и биологии – в семь. Всё на «отлично». А сейчас я учусь в Открытом университете, готовлюсь получить степень по математике и физике.

Дело в том, что я, как это называется, «особо одарённая». Попадаю в верхние два процента всего населения. Но этот факт вовсе не означает, что я умнее остальных. Французский язык, например, мне совсем не даётся. Мне просто очень нравится узнавать, как устроена Вселенная. Ну а Лили считает, что я какой-то урод.

Я же говорю, она меня ненавидит.

Я натягиваю поверх пижамы халат и спускаюсь вниз. Надо же, как тихо в доме. Обычно папа в это время уже шумно возится в кухне, поджаривая всякое вкусное для обильного субботнего завтрака, а мама сидит за обеденным столом и читает газету.

Спустившись по лестнице, я сворачиваю направо, в коридор, ведущий в кухню. Шлёпая босиком по чёрным и белым гладким плиткам пола, я чувствую, какие они холодные, и покры-

ваюсь мурашками. Обеденный стол пуст, и плита с чистой, блестящей поверхностью стоит совершенно безжизненная. Никогошеньки.

Я выглядываю за дверь, которая ведёт на мощённый плиткой задний дворик, и выбираюсь в сад: может, родители уже успели встать и заняться беседкой, чтобы установить её перед дневным празднованием? Но в саду тоже никого нет.

Тогда, наверное, они где-то прячутся и вот-вот выскочат, распевая «С днём рождения тебя!».

– Мам! Пап! – кричу я. – Где вы?

Я замираю и стою, прислушиваясь, готовая изобразить удивление, когда они внезапно появятся. Но что-то никто ко мне не выскакивает. Ухмылка, которая не оставляла меня с того момента, как я распахнула шторы в спальне, потихоньку начинает сползать с моего лица. Если они думают, что это забавно, то у меня для них новости.

В гостиной так же пусто, как и в кухне. Телевизор выключен, все диванные подушки на своём месте. Отсутствие Лили меня не удивляет: по выходным она редко показывается раньше десяти. А всё потому, что она подросток и гормоны у неё в мозгу работают активнее, заставляя подолгу спать. Может, у меня тоже такое начнётся – мне ведь уже десять. В десять лет всё может измениться.

Я обхожу весь первый этаж: холл, кухню, гостиную. Снова возвращаюсь в холл. Если мама с папой действительно решили устроить мне сюрприз и спрятались, то выбежать они должны откуда-то из верхних комнат. У нас не такой уж большой дом.

Я встаю у подножия лестницы и кричу наверх:

– Мам! Пап! Это уже не смешно. Где вы?

Никакого ответа – только тишина, которая медленно расползается по дому, словно заволакивает его. Я зябко вздрагиваю, хотя в цветной витраж над аркой входной двери за моей спиной бьют весёлые солнечные лучи. Куда все подевались? Они не ушли бы из дома без меня. Вся радость, которая наполняла меня, когда я прыгивала сегодня с кровати, улетучивается, сменившись тоскливой тревогой. Я мчусь по лестнице вверх, перескакивая через две ступеньки, изо всех сил желая, чтобы эта дурацкая игра в прятки немедленно закончилась.

Я пробегаю через лестничную площадку и толкаю дверь в их спальню.

Из-за плотных штор, не пропускающих солнце, здесь по-прежнему стоит полумрак, но в неярком свете с лестничной площадки я вижу, что комната пуста. Покрывало на широкой кровати аккуратно застелено. Не похоже, чтобы здесь вообще кто-то спал.

Неясная тревога скручивается у меня в животе в тугий скользкий узел, перерастая в страх. Я снова пересекаю лестничную площадку, заглядываю в свою комнату, а потом сую нос в ванную – просто на всякий случай. Ни там ни там ни души. Единственное живое существо, попавшееся мне на глаза, – шустрый паучок, шмыгнувший куда-то за смеситель, когда я отдернула душевую занавеску.

Я снова поёжилась. Кажется, даже солнечный свет, бьющий в окно ванной, разом лишился всей своей теплоты. Что-то здесь не так.

Я нерешительно топчусь на лестничной площадке, поглядывая вверх на второй лестничный пролёт, ведущий в комнату Лили в мансарде. У подножия лестницы на стене бросается в глаза табличка «НЕ ВХОДИТЬ», а ниже рукой Лили приписано «Сёстрам ДОСТУП Запрещён».

Это мне, значит.

В другое время я и близко не решилась бы подойти к комнате Лили, да ещё в субботнее утро. Если ей мешают валяться в постели в выходной, она злится так, что по сравнению с этим даже извержение вулкана покажется пустяком. Но ведь сегодня не обычная суббота. Сегодня мой день рождения, и мне нужно знать, куда все пропали.

– Лили! – кричу я, задрав голову, и мой крик эхом отдаётся от стен. – Ты уже встала?

Никакого ответа.

– Лили?

Тишина.

Покосившись на табличку «НЕ ВХОДИТЬ», я встряхиваю головой. Ситуация экстренная, и я должна рискнуть.

Я нерешительно делаю шаг вперёд и начинаю карабкаться по лестнице, перебирая в голове оправдания, к которым придётся прибегнуть, если Лили взбесится, что я её разбудила. Но я даже не представляю, что буду делать, если вдруг её не окажется в комнате.

Обычно дома у нас довольно шумно, и сегодняшняя тишина начинает всерьёз меня пугать.

И тут раздаётся звонок в дверь.

Я подпрыгиваю от неожиданности, но тут же соображаю, что это может значить, и меня окатывает тёплой волной облегчения. Конечно же это мама с папой. Наверное, они встали пораньше, чтобы всё подготовить к моему празднику, а потом обнаружили, что им нужно купить что-то ещё. Вот они и оставили нас с Лили досыпать, а сами смотались в магазин и теперь стоят у дверей с сумками, набитыми всякими праздничными штуками, и ждут, когда я им открою.

Я сбегая по ступенькам, в два прыжка проскакиваю лестничную площадку и с топотом скатываюсь со второго пролёта. Наконец-то сейчас начнётся мой день рождения!

В прихожей до сих пор надывается звонок, словно кто-то продолжает держать палец на кнопке. Потом трезвон вдруг резко обрывается, и воздух снова гудит от воцарившейся абсолютной тишины.

Наверное, звонок сломался.

Слегка озадаченная всем этим, я снова прилаживаю на лицо улыбку. Мне не терпится узнать, что же родители принесли мне из магазина.

Но стоит мне открыть дверь, как улыбка моя исчезает окончательно и губы растягиваются в беззвучном вопле. Бодрое приветствие комом застревает в горле, и я с ужасом смотрю на то, что ждёт меня за дверью.

Там никого нет.

И даже ещё хуже: там нет *ничего*.

Ни мамы. Ни папы. Ни машины, припаркованной на подъездной дорожке. Ни самой дорожки. Ни улицы. Ни домов.

Вообще ничего.

Одна только чёрная пустота, уходящая в бесконечность.

Я смотрю в эту пустоту, пытаюсь осознать, что я такое вижу. Понять, как такое возможно.

Ничего не получается.

Я быстро захлопываю дверь, пока мой мозг не успел взорваться, и стою, пошатываясь и жадно хватая ртом воздух. Моя рука всё ещё держится за дверную ручку, а голова лихорадочно пытается разобраться, что происходит.

Опустив глаза, я вижу радужные блики света на полу – зыбкий рисунок, рождённый солнечными лучами, проходящими сквозь цветные стёкла витража. Но, когда я открывала дверь, никакого солнца в небе не было. И даже самого неба не было. Не было вообще ничего.

Мне становится по-настоящему страшно, и я медленно отступаю от двери. Если там никого нет, то кто же звонил?

Спотыкаясь на ходу, я убираюсь подальше, в кухню, и плотно захлопываю за собой дверь, чтобы отгородиться от того, что я только что видела. Меня трясёт. Я приваливаюсь к обеденному столу и дрожащими пальцами вцепляюсь в его край, чтобы не упасть.

Что происходит?!

2

– С днём рождения, Мейзи!

Мама, широко улыбаясь, придвигает ко мне через обеденный стол кипу конвертов. Папа позади неё оглядывается через плечо и ухмыляется, не сводя при этом взгляда с пышного блинчика с бананом, который жарится на сковородке. Молекулы, составляющие его липко-сладкий запах, поднимаются в воздух над плитой, достигают обонятельных рецепторов в моём носу, и мой желудок бурчит от предвкушения.

– Спасибо, мам, – говорю я, глядя на необычно большой конверт на самом верху кипы. Большие буквы на серебряной бумаге складываются в моё имя, и я сразу узнаю мамин почерк.

Мейзи

– Ну давай же, – говорит мама. – Открой его.

Переворачивая конверт, я замечаю припухлость в одном его уголке и сразу же догадываюсь, что это означает. Старательно продолжая улыбаться, я вскрываю конверт и вытягиваю из него огромную поздравительную открытку.

На ней изображена космическая ракета, устремлённая в звёздное небо, и созвездия в нём складываются в слова «С Днём РОЖДЕНИЯ!». А в верхнем углу прикреплён ярко-голубой значок с большим числом «10», вписанным в звезду.

Я оставляю его без внимания, быстренько раскрываю открытку и читаю послание внутри, изо всех сил стараясь не покраснеть.

Нашей Мейзи

Надеемся, твой день рождения будет космическим!

Мы так гордимся тобой! Желаем тебе фантастического дня.

С любовью,

Мама и папа

Я кладу открытку на стол. Мама смотрит на меня с надеждой:

– Знаешь, Мейзи, я искала её целую вечность. Сейчас ведь все открытки для девочек – сплошная ерунда: всякие блескучие единороги, феи и прочие глупости. А я хотела найти такую, которая подошла бы именно тебе. Надеюсь, тебе понравилось?

Я киваю, хотя созвездия на открытке астрономически изображены, конечно, не совсем верно.

– То что надо, мам. Спасибо.

– И насчёт значка я не совсем уверена. Может, десять – это уже многовато для значка, а?

– Лора, хватит суетиться, – говорит папа, наклоняясь через стол, чтобы выложить на мою тарелку румяный банановый блинчик. Я взглядываю на него с благодарной улыбкой. – Мейзи всё равно, как выглядит открытка, – она же ждёт подарков.

Душистый банановый парок наполняет мои ноздри, и одновременно при упоминании о подарках выброс адреналина встряхивает меня радостным нетерпением.

Папа прав. Разве так уж важно, что мама поздравила меня открыткой со значком, как маленькую! Если родители подарят мне то, о чём я мечтаю, я готова простить им всё на свете.

Я не жалела сил на всевозможные намёки и подсказки, раскладывая выпуски «Новостей науки» по всей кухне и прищипливая особенно ценные вырезки к холодильнику. Да, мама с папой говорили, что подарить мне на день рождения настоящую атомную бомбу вряд ли потянут, но я очень надеялась, что они всё же купят мне набор, необходимый для сооружения моего собственного ядерного реактора.

Всё началось, когда однажды я посмотрела документальный фильм про американского мальчика, который ещё подростком построил ядерный реактор у себя в гараже. Меня тогда это очень вдохновило. И теперь я собиралась стать первой в мире, кому удалось бы подступиться к холодному ядерному синтезу.

Когда я впервые рассказала родителям, что хочу построить ядерный реактор, они вроде как слегка испугались – из-за радиоактивного загрязнения и всего такого прочего. Папа, помнится, сказал, что в принципе хорошо, что я так интересуюсь возобновляемыми источниками энергии, но всё-таки он не хочет, чтобы я взорвала дом. Я ответила, что ему не о чем волноваться.

Понимаете, большинство ядерных реакторов работает на расщеплении атомов. Этот процесс называется делением ядра, и при нём высвобождается огромное количество энергии в виде тепла. Внутри обычного ядерного реактора температура может достигать более 300 °C. Этого достаточно, чтобы расплавить свинец!

Но есть ещё ядерный синтез, и он ещё горячее. Достаточно взглянуть на Солнце. Весь свет, который вы видите, и весь жар, который вы чувствуете, образуются глубоко внутри Солнца, когда маленькие атомы водорода сливаются вместе и получаются более крупные атомы гелия. А энергия, которая при этом высвобождается, питает Солнце и все остальные звёзды на небе.

Когда я объяснила всё это папе, он забеспокоился ещё сильнее, но я поспешила растолковать ему, что ядерный реактор, который я собираюсь построить, будет совсем другим. Холодный синтез – значит в прямом смысле холодный. Ядерная реакция при комнатной температуре, от которой не расплавится даже масло на папиной сковородке. Никаких радиоактивных отходов, никаких взрывов. Именно такая энергия, какая нам нужна – чистая и совершенно безопасная.

Единственная проблема – что до сих пор никто холодного синтеза так и не получил. Многие учёные пытались, но недавно я читала об эксперименте, который готовит НАСА, и мне пришла в голову одна неплохая идея. Я даже набросала маме с папой схему моего самодельного реактора и объяснила, каким образом можно осуществить холодный синтез, используя слабое ядерное взаимодействие, чтобы он был совершенно безопасным.

Честно говоря, не думаю, что они действительно что-то поняли из того, что я объясняла, но когда я сказала, что больше всего хотела бы получить на день рождения осциллятор обратной волны, генератор водорода и пятьдесят рулонов обычной кухонной фольги, родители сказали, что подумают.

Это было четыре недели назад, а сейчас наступил мой день рождения.

– А можно уже открывать подарки? – с нетерпением спрашиваю я.

– Пока нет, – смеётся папа, возвращаясь к плите, чтобы вылить на сковороду очередную порцию теста. – Сначала позавтракай. И тебе ещё предстоит прочитать остальные открытки.

Улыбаясь, я поливаю свой блинчик стружкой золотистого сиропа. Если мама с папой действительно приготовили мне то, что я просила, то теперь, используя старую морозильную камеру в нашем гараже, я смогу обуздать мощь целого светила.

Я только-только потянула в рот первый кусочек, размышляя, как лучше подсоединить в систему генератор водорода, как вдруг дверь кухни распахивается, и с таким грохотом, что мама чуть не падает со стула.

В кухню врывается Лили. На ней футболка с длинными рукавами, достающая ей почти до колен; на животе – изображение какой-то рок-звезды восьмидесятых.

– Доброе утро, Лили, – говорит папа, встряхивая сковородку. – Как насчёт блинчика? – Он снова смотрит на неё, уже внимательнее – видимо, замечает, что на ней надето. – Это что, моя футболка? С «The Cure»?¹

Лили с хмурым видом плюхается на стул рядом со мной.

– Я взяла поносить, – буркает она, теребя край слишком длинного рукава и натягивая его до самых пальцев. – Тебе что, жалко?

– Да нет, не жалко, – отвечает папа, мотнув головой. Схватив лопаточку, он ловко переворачивает блинчик, громко скворчащий на сковородке. – Но в следующий раз всё-таки лучше спроси разрешения, ладно?

Лили со вздохом закатывает глаза. Потом поворачивается и подталкивает мне через стол конверт:

– С днём рождения, мелкая.

– Спасибо, Лили, – отвечаю я, не скрывая лёгкого удивления. – Я и не думала, что ты вспомнишь.

– Забудешь тут... если все только и делают, что болтают о нём всё время, – фыркает Лили. – Можно подумать, ты первый человек в семье, кто дожил до двузначной цифры – такую вокруг этого развели суету.

– Неправда, Лили, – говорит мама, протягивая руку, чтобы мягко положить её на локоть Лили.

– А вот и правда. – Лили едва не шипит, отдёргивая руку. Я вижу, что улыбка на мамином лице дрогнула. – Мне, например, на десять лет ничего такого не устраивали, – она кивает в сторону дверей во двор, где виднеются разложенные на лужайке шесты, тент и прочие детали для сборки беседки. – Вы просто отвели меня и моих друзей в кино, на какие-то дурацкие мультки.

– Да, с тобой было всё по-другому. – Мамин голос звучит по-прежнему спокойно, хотя её отвергнутая рука всё ещё подрагивает на весу. – Ты на свой день рождения хотела заниматься чем-нибудь со своими друзьями, а Мейзи... – Мама умолкает на полуслове.

Что ж, ничего страшного. Ей и не обязательно договаривать, потому что я сама знаю, что она хотела сказать. Что у меня нет друзей.

Поэтому сегодня на мой день рождения придут только родственники. Мама, папа и Лили, бабушка Дэй и её подруга Элси, тётя Мэгги, дядя Колин, тётя Пат, а с ней – Грейс и Джек, ну и другие мои дяди и тёти, а также двоюродные братья и сёстры, даже малыш Альфи. Всем им от восьми месяцев до восьмидесяти лет, но из десятилетних буду только я.

Видите ли, поскольку я не хожу в школу, готовой компании одноклассников, как у Лили, у меня нет. Она-то всё время торчит у своей подружки Софи или приглашает её к нам вместе с Дейзи и другими девочками. И они часами сидят в комнате Лили. Считается, что они готовятся к экзаменам на аттестат, но, похоже, большую часть времени они только болтают, то и дело пронзительно взвизгивая «да ты что?!» или «с ума сойти!».

Иногда я слоняюсь у подножия лестницы в мансарду, стараясь понять, чем же они там на самом деле занимаются. Но мне никогда не удаётся расслышать, о чём они говорят; разве что вдруг донесётся имя какого-нибудь мальчика и возбуждённые повизгивания.

А когда мама посылает меня к ним наверх спросить, не хотят ли они печенья или чего-нибудь попить, Лили встречает меня мрачным взглядом и в комнате тут же воцаряется тишина.

Раньше я думала, что Софи, лучшая подруга Лили, очень милая. Она всегда заговаривала со мной, когда я появлялась у Лили в комнате. Иногда мне даже приходила мысль, что я тоже могла бы с ней дружить.

¹ The Cure – британская рок-группа. (Здесь и далее прим. ред.)

Обычно Софи делала так: брала учебник и открывала его на последних страницах, где приведены все ответы. А потом начинала засыпать меня вопросами, и все остальные приветственно вопили и хлопали, когда я отвечала правильно, – все, кроме Лили. Когда возникла Вселенная? Какое ископаемое топливо даёт наибольший выход углекислого газа? Какова скорость распространения электромагнитного излучения в вакууме? В общем, ничего особенного. Самые простые вопросы. Но это всегда было так приятно – получить повод пообщаться с друзьями Лили, даже совсем недолго. Я думала, что нравлюсь Софи.

Но однажды, когда мама отправила меня наверх с печеньем и напитками, я замешкалась у двери комнаты Лили чуть дольше обычного.

– Господи, Лили, – услышала я голос Софи, доносящийся из-за чуть приоткрытой двери. – Твоя младшая сестра – просто какая-то ненормальная. По-моему, она почти аутист.

Я так и осталась стоять на лестнице, держа дрожащими руками поднос, заставленный чашками с чаем и тарелками с печеньем, и ждала, что же ответит Лили.

Даже не знаю, что я надеялась услышать. Может, что она вступится за меня. Скажет Софи, что вовсе я не ненормальная. И вообще-то в аутизме нет ничего страшного, а я просто более одарённая в области науки, чем обычная школьница. Но моя сестра не сказала ни слова. Я оставила поднос на верхней ступеньке и ушла. Больше мама меня в комнату Лили не посылала.

Вот почему мама с папой пригласили на мой день рождения всю родню. Наверное, они думают, что это поможет мне забыть, что у меня совсем нет друзей.

– Какая разница, чей десятый день рождения был лучше, – примирительно говорит папа, как всегда, стараясь не допустить ссоры. Он выкладывает последний блинчик со сковородки на тарелку перед Лили. – Вот, поешь. С бананом.

Лили, поджав губы, изучает папино кулинарное творение. Я только приступила к своему блину, но уже хочу второй – до того вкусно.

– Не хочу я никаких блинчиков, – говорит Лили, отпихивая тарелку. – Мне лучше пару тостов и кофе.

Папа, похоже, немного обижен. Банановые блинчики – его коронное блюдо.

– Уверена? – спрашивает он. – А ты знаешь, что бананы – лучшая пища для ума? В них вроде какие-то альбинокислоты содержатся.

Видимо, папа опять читал мои «Новости науки». В том, что касается всяких технологий, он настоящий дока, но вот в биологии совершенно не разбирается.

– Аминокислоты, – поправляю я.

– Да, точно, аминокислоты, – соглашается папа. – Так сказано в одном из научных журналов Мейзи. Эти самые аминокислоты вроде как стимулируют работу мозга и даже помогают избавиться от стресса. – Он снова мягко придвигает тарелку ближе к Лили. – У тебя же экзамены на носу. Почему бы не подкрепиться блинчиком с бананом? Глядишь, и поможет.

Сказать по правде, мне кажется, что в «Новостях науки» писали, что бананы повышают стрессоустойчивость благодаря высокому содержанию магния, но не успеваю я сообщить об этом папе, как Лили взрывается.

– Это от вас у меня все стрессы, – цедит она сквозь зубы, со скрежетом отодвигая стул. – Талдычите мне про эти чёртовы экзамены целыми днями, стоит мне встать с постели. А я всего-то и хотела съесть пару чёртовых тостов.

– Лили! – восклицает мама.

Но сестра уже вскакивает на ноги:

– Что не ясно-то? Какая разница, сколько этих ваших банановых блинов я слопаю на завтрак? – кричит она, в несколько шагов преодолевая расстояние до двери. – Я всё равно не буду такой же умной, как Мейзи. – И Лили вылетает из кухни, громко хлопнув за собой дверью.

Под раскатывающийся по всему дому грохот родители потрясённо переглядываются.

Сегодня должен быть мой праздник, но Лили, как обычно, сумела сделать так, чтобы оказаться в центре внимания.

3

Я смотрю на кипу конвертов на обеденном столе. На каждом написано моё имя.

Сегодня мой день рождения. Я должна была сидеть здесь, за столом, вместе с мамой, папой и Лили, и читать поздравительные открытки. Но никого нет, я одна. В ушах у меня звенит от наполняющей кухню тишины. Куда же все подевались?!

То, что я увидела, открыв парадную дверь, кажется ночным кошмаром.

Я оглядываю кухню. Кухонная плита под колпаком вытяжки ярко блестит – сплошь чёрное стекло и серебристый металл. Ни масляных брызг, ни клякс от теста, которые обычно остаются после папиной утренней стряпни. По обеим сторонам от плиты – рабочие кухонные столы. Совершенно пустые: все тарелки, кружки и стаканы стоят аккуратными рядами на стенных полках. Холодильник, микроволновка, стиральная машина, посудомоечная машина, кухонная раковина – всё сияет чистотой. Всё именно такое, каким и должно быть. За стеклянными дверями, ведущими на задний дворик и в сад, сложена ещё не собранная беседка, и на прикрывающей её пластиковой плёнке поблёскивает роса.

Но как понять, реально это всё или нет?

Когда спишь, тебе всегда кажется, будто то, что ты видишь, слышишь или чувствуешь, – настоящее, хотя в действительности всё, что случается с тобой во сне, целиком и полностью происходит только у тебя в голове.

Так что же здесь творится?! Я что, всё ещё сплю?!

Я читала, что отличить состояние собственного бодрствования от сна легко – для этого надо проверить происходящее на реальность. Сделать это можно любым простым способом, который поможет тебе удостовериться, что все твои ощущения – подлинные.

Я снова перевожу взгляд на кипу конвертов, беру тот большой и пухлый, что лежит сверху, надрываю плотную бумагу и вытягиваю из него большую, необычного формата открытку.

На ней изображена космическая ракета, летящая по звёздному небу. Серебряные линии соединяют звёздочки в созвездия, которые складываются в слова «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!». К уголку открытки пришпилен значок с большой цифрой 10 внутри звёздочки.

Я отстёгиваю значок, выпрямляюсь и собираюсь с духом, готовясь приступить к проверке реальности. Если всё происходящее не более чем сон, есть лишь один способ это выяснить.

Я втыкаю иглу значка в подушечку своего большого пальца.

– Ай!

Морщась, я смотрю, как в месте укола набухает капелька крови. Потом сжимаю палец, чтобы приглушить боль, и капля, сорвавшись, падает прямо на мою открытку. Среди серебристых звёзд появляется новенькая, яркая красная планета.

По-моему, всё реальнее некуда.

Я встряхиваю головой. Может, у меня просто случилось какое-то временное помрачение? Мозг ненадолго отключился, поэтому я не смогла правильно воспринять то, что увидела за открытой дверью. Значит, нужно проверить ещё раз.

Я сую значок в карман, отодвигаю стул и, чувствуя босыми ступнями прохладу плитки на полу, подхожу к дверям, ведущим на задний дворик.

Сквозь стекло я ясно вижу клумбу, на которой буйствуют красные, жёлтые и синие цветы, вижу цветущие деревья, зелёная листва которых издали кажется припудренной розовым. Вижу даже слабое отражение своего лица в стекле – глаза испуганные, хотя там, за дверью, ничего страшного нет. Всё выглядит очень даже жизнерадостно.

Я знаю: единственная причина, почему я вижу всё это, – Солнце и его свет. Зелёная трава, розовые цветы, блеск пластика поверх сложенной беседки – это потоки фотонов, кото-

рые отражаются от всех этих предметов и проникают в мои глаза. Даже едва заметное отражение моего лица – это тоже работа фотонов, которые ударяются о мою кожу, отлетают и попадают в стекло. Не будь Солнца, я бы ничего этого не увидела.

Но я вспоминаю бесконечную непроницаемую черноту за входной дверью, и спина у меня покрывается мурашками.

Учёные признают результаты эксперимента только в том случае, когда при тех же экспериментальных условиях они повторяются. Если при повторении эксперимента результаты оказываются другими – значит, что-то здесь не так.

И значит, если я хочу убедиться, что Солнце *действительно* светит сквозь стекло, я должна открыть двери на улицу.

Я протягиваю руку и поворачиваю ключ в замке. В горле у меня мгновенно пересыхает. Но это же глупо. Собственные глаза доказывают мне, что там, за дверью, я увижу всё тот же задний дворик и сад – всё как всегда. Но я ничего не могу с собой поделать. Я берусь за дверную ручку, и мои пальцы, на одном из которых отчётливо видно подсохшее пятнышко крови, заметно дрожат.

Настало время выяснить, что реально, а что нет.

Я поворачиваю ручку и распахиваю дверь.

Хотя в душе я отчасти ожидала, что так и будет – то, что я вижу, похоже на удар в лицо.

Никакое Солнце не освещает наш сад. Нет ни зелёной травы, ни цветов, ни припудренных розовым крон. Сада тоже нет. Только пустое чёрное пространство, которое начинается от порога и тянется в бесконечность, в каком бы направлении я ни смотрела.

Мои пальцы отчаянно сжимают дверную ручку, все инстинкты вопят, чтобы я немедленно захлопнула дверь. Но я сопротивляюсь. Я должна разобраться.

Наш дом как будто парит в космическом пространстве. Но то, что я вижу из задней двери, совсем не похоже на звёздное небо с поздравительной открытки. Эта Вселенная пуста. Нигде не видно ни единой звёздочки.

Пошатнувшись, я едва не повисаю на дверной ручке. Мне кажется, эта бесконечная чернота сейчас унесёт меня.

Есть такая штука вантаблэк – самый тёмный из всех изобретённых человечеством материалов. Учёные сделали его из углеродных нанотрубок – тончайших трубочек углерода, в тысячи раз тоньше человеческого волоса, спаянных вместе. Если посветить на что-то сделанное из вантаблэка, свет попросту затеряется в этом лесу из нанотрубок и вместо предмета вы увидите только чёрную пустоту. Этот материал не просто чёрный – он суперчёрный.

Примерно такой, как то, что я вижу за дверью.

Крепко цепляясь одной рукой за дверную ручку, я медленно вытягиваю другую вперёд, в эту черноту. Рука проходит сквозь неё, но я не чувствую ничего – никакого сопротивления, никакого изменения температуры. Только страх, что чернота тоже может потянуться ко мне.

Понадёжнее ухватившись за дверной косяк, я чуть приседаю и наклоняюсь вперёд. Я хочу понять, как далеко простирается темнота. Прежнего мира снаружи нет – но вдруг я смогу увидеть, куда он подевался? Я верчу головой во все стороны, высматривая хоть какой-нибудь признак жизни в бесконечной пустоте, и чувствую, как у меня противно сжимается желудок.

Нигде ничего. Только темнота.

Дрожа всем телом, я втаскиваю себя обратно в дверной проём, подальше от края. Мои босые ноги скользят по гладким чёрно-белым плиткам.

Если эксперимент успешно повторяется, доказательность полученных результатов сильно возрастает.

Значит, я вижу всё это на самом деле.

Там, снаружи моего дома, – пустота, и я уже не знаю, вернутся ли когда-нибудь домой мама, папа и Лили.

Пока я стою и смотрю на чёрную бесконечность, контуры дверного проёма начинают слегка расплываться. Я протираю глаза, думая, что, возможно, оптический сигнал, идущий по моим зрительным нервам в мозг, нарушен из-за этой суперчерноты. Так происходит, если слишком долго смотреть на вантаблэк: он отражает так мало света, что мозг попросту не понимает, на что вы смотрите. Все детали поверхности исчезают. Если покрыть вантаблэком скомканный лист бумаги, он будет казаться абсолютно плоским.

Но потом я понимаю, что нет, дверной проём не расплывается. Просто его понемногу заслоняют чёрные капли – темнота начинает просачиваться внутрь.

Замерев, я смотрю на зависшие над порогом пузырьки черноты. Заметить их можно только на фоне белого дверного косяка – плоские диски абсолютной тьмы, которые как будто медленно пульсируют, всплывая внутрь.

Шесть... семь... восемь... девять... десять...

Они всё прибывают и прибывают – невидимые на фоне чёрной бездны до того самого мгновения, пока не проплывут мимо дверей из белого поливинилхлорида. Их чернота настолько пронзительна, что у меня начинают болеть глаза. Это абсолютное ничто, полное отсутствие всякого цвета. Я даже не могу сфокусировать взгляд на этих каплеподобных формах, которые уже висают над обувной полкой возле дверей. Рядом с ними папины чёрные резиновые сапоги кажутся грязновато-коричневыми. Ближайшая капля касается обреза сапога, и я с ужасом наблюдаю, как невозможная чернота распространяется по всей резиновой поверхности. Она меняется прямо у меня на глазах, превращаясь из реальной, хорошо знакомой вещи в нечто плоское, двухмерное. Такое чёрное, что глаза болят уже невыносимо. Оно уже больше не отражает света – на том месте, где только что стоял папин сапог, теперь лишь чёрная пустота.

А чёрная капля растёт, надувается, словно трепещет от сытого удовольствия – и продолжает плыть вперёд.

Я всё ещё стою, согнувшись, и смотрю, как всё новые сгустки черноты всплывают в открытую дверь. Мой желудок содрогается, выплёскивая в рот отвратительную жёлчную горечь. Я вижу, как чернота медленно пожирает дверной косяк из белого пластика, не оставляя после себя ничего. Новые капли касаются чёрно-белого пола, и каждая гладкая плитка превращается в квадрат совершенной черноты, которая захватывает кухню с алчной неумолимостью прилива. Наружная пустота проникает в дом, стирая всё на своём пути.

Это похоже на один фильм, который я видела по телевизору: про то, как распространяется плесень. Авторы установили в заброшенном доме несколько камер замедленной съёмки, и они сняли, как крохотная спора чёрной плесени в ванной комнате разрастается в сплошную тёмную массу грибка, постепенно захватывающую весь дом.

Я со страхом смотрю, как эти капли абсолютной тьмы распространяются по кухне, как темнота меняет очертания, пожирая всё, к чему прикасается.

Всё это похоже на ночной кошмар, но горечь во рту подтверждает, что я не сплю. Надо уносить ноги.

Я неуклюже отползаю назад, поворачиваясь к выходу из кухни, чтобы бежать, – и тут понимаю, что происходит нечто *действительно* очень странное. Я вижу перед собой закрытую дверь в коридор – я сама захлопнула её, когда прибежала сюда, – но только теперь привычная картинка словно растягивается: она кажется далеко-далеко, словно я смотрю на неё с обратной стороны телескопа. Кухня у нас не такая уж большая, но дверь с каждой секундой становится всё меньше и меньше, как будто продолжает отдаляться от меня.

Я трясусь головой, но мой мозг не в состоянии переварить поступающую в него информацию.

Однажды, когда я была ещё маленькая, у меня случилось воспаление внутреннего уха, и мне пришлось проваляться в кровати целую неделю. Мне было плохо – постоянно тошнило, кружилась голова, и я даже не могла стоять на ногах, всё время падала. Но и в полной непо-

движности мне казалось, что всё вокруг двигается и кружится. Инфекцию в конце концов удалось вылечить, но те странные ощущения я помню до сих пор.

То же самое я испытываю и сейчас, глядя на чёрно-белые квадратики кухонного пола, которые тянутся куда-то до горизонта.

Я оглядываюсь через плечо назад – и горло перехватывает новым приступом тошноты. Всё исчезло. Кухня словно растворяется: стены, пол, потолок пропадают, и вместо них остаётся одна лишь темнота. И происходит это с нарастающей быстротой.

Тревожный голос в голове уже отчаянно вопит, что нужно убираться отсюда как можно скорее.

Я снова поворачиваюсь к двери в коридор и хочу встать на ноги, но даже голову приподнимаю с огромным трудом: гравитация, которая давит на меня, внезапно становится непреодолимой. Вывернув шею, я вижу, как по мере расширения пространства кухни лампочки на потолке вытягиваются в длинные лучи.

Я уже ничего не понимаю. Я пытаюсь хотя бы ползти вперёд, но гладкие плитки, кажется, плавают под пальцами. Лоб весь мокрый от пота, его капли стекают по моему лицу и щиплют кожу, смешиваясь со слезами. Я открываю рот, чтобы позвать маму и папу, но вместо крика издаю лишь беззвучный вой.

Из кармана у меня выпадает значок, и я смотрю, как он прыгает по полу. Мгновение он кажется совсем рядом с рукой, но едва я начинаю смыкать вокруг него пальцы, как он скрывается из виду в невообразимой дали. Всё ускоряется, и комната вокруг меня превращается в целую Вселенную.

Учёные полагают, что когда наша Вселенная только зародилась в Большом взрыве, она была совсем крохотной. Малюсенький пузырёк пространства-времени, в триллион раз меньше, чем самая мелкая песчинка, но в нём уже бурлила вся энергия и вся материя, из которых должно было возникнуть всё на свете. И когда Большой взрыв случился, этот крохотный пузырёк вдруг очень-очень быстро стал очень-очень большим. Менее чем за секунду он увеличился в размерах – от субатомной частицы до колоссального пространства в миллионы миль в диаметре. И с тех пор оно только и делает, что расширяется.

Но сейчас, когда я вижу, как стремительно отдаляется от меня в бесконечность кухонная дверь, мне кажется, что кухня взрывается ещё быстрее, чем Вселенная.

У меня кружится голова. Я окончательно перестаю понимать, что происходит. Сегодняшний день, который должен был стать самым замечательным в моей жизни, почему-то превращается в кошмар.

По мнению некоторых учёных, реальность – это всё, что остаётся, когда нет никого, чтобы её воспринимать. Я не знаю, где сейчас мама, папа и Лили. Здесь осталась только я. Интересно, если я закрою глаза, этот ужас исчезнет?

Я снова боязливо оглядываюсь – и вижу только абсолютную темноту, которая уже подкрадывается к моим пяткам. Я болтаюсь на самом краю бесконечности, и если эта темнота коснётся меня, я тоже сгину, не оставив следа.

Отчаянным рывком я бросаюсь вперёд и, зажмурившись, хватаюсь за ручку двери в доброй половине Вселенной от меня.

И поворачиваю её.

4

Стоит мне только выйти в сад, как солнце заливает мою кожу теплом, и от зябких мурашек остаются только воспоминания. Я в моей любимой футболке – белой с вышитой блёстками звездой на груди, и в новеньких джинсах, которые мама купила мне специально для праздника. День сегодня будет просто замечательный.

Мама возится на кухне – покрывает глазурью мой именинный торт. То есть я так думаю – она не захотела, чтобы я его увидела, и со смешком выгнала меня из кухни, когда я попыталась подглядеть.

– Отнеси-ка папе чай, – сказала она, подавая мне исходящую паром кружку. – Кажется, он ему сейчас не повредит.

Папа стоит на верхней ступеньке невысокой лестницы, спускающейся к нашему заднему дворику, и чешет в затылке, изучая какой-то листок бумаги. На лужайке перед ним лежит аккуратно сложенный тент из плотной белой ткани. Пластиковая плёнка с него уже сдёрнута и валяется рядом, сверкая оказавшимися в западне капельками росы. Возле неё на траве громоздится распакованная грудa шестов и пластиковых распорок. Похоже, папа пока не сильно продвинулся с установкой.

Услышав мои шаги, папа отвлекается от своего листка и приветствует меня страдальческой улыбкой.

– Чай? Прекрасно, – говорит он, принимая кружку из моих рук. – Кажется, мне просто необходимо взбодрить мозг кофеином. Иначе в этой чёртовой инструкции не разобраться.

– Можно, я взгляну? – прошу я.

Папа кивает – он только рад сплавить ответственность на кого-нибудь ещё, пока он прихлёбывает чай.

– Боюсь, Мейзи, нам придётся праздновать в доме, если я не разберусь с этой штукой, – озабоченно говорит он. – Кажется, здесь не хватает одной важной детали. А ведь я говорил твоей маме: не стоит брать что подешевле.

Прикрывшись ладонью от солнца, я смотрю на инструкцию внимательнее. Текста в ней совсем нет, только последовательность схематичных рисунков с изображением разных частей беседки и как их соединять друг с другом. Папа застрял на первой же схеме – паутине шестов и креплений, образующих каркас крыши.

– Не могу найти эту дурацкую соединительную штуку, – жалуется папа, наклоняясь над мной и тыча пальцем в самый центр схемы – в похожую на осьминога пластиковую деталь, куда должны вставляться прутья каркаса, как спицы велосипедного колеса во втулку.

Пробежав глазами инструкцию, я снова смотрю на грудy пластика на лужайке. И там, среди шестов, прутьев, креплений и распорок, замечаю пару деталей, которые выглядят не так, как на рисунке, – два белых крестообразных крепления, сделанных будто из коротеньких трубок. Я подбираю их с земли и, повертев в руках, нахожу, где они должны соединяться. С приятным, вызывающим удовлетворение щелчком детали входят друг в друга, и два крестика превращаются в единый восьмерной соединитель, который искал папа.

Теперь у меня в руках тот самый белый пластиковый осьминог.

– Кажется, это как раз то, что нужно.

Папа довольно хмыкает.

– Спасибо, Мейзи, – говорит он, пристраивает свою недопитую кружку на ступеньку и принимает у меня осьминога. – А я-то его никак не мог найти. – Он подбирает ближайшую перекладину, вставляет её в отверстие крепления и поворачивает до щелчка, чтобы она не выпала. – Может, поможешь мне с остальным? Мы справимся с этой беседкой гораздо быстрее, если возьмёмся за неё вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.